

Иосифо-Волоколамского монастыря, сооруженной в 1678 г., являющийся повторением (вернее, третьим вариантом, но отнюдь не точной копией) ярославского и костромского изразцов.

Вещей, датируемых 1610-ми, 1620-ми и 1660-ми годами, нами обнаружено не было. Думается, что подобное распределение материала, при котором основная масса его приходится на 1640—1650-е и 1670-е годы, не случайно.

Как известно, в 1630—1640-х годах обостряются взаимоотношения России с Турцией и с Крымским ханством. В 1632 г. крымские татары вторгаются в пределы южных территорий Русского государства, разоряют ряд южных уездов России. В 1633 г. отряду татарской конницы в 20—30 тысяч человек удалось дойти вплоть до окрестностей Москвы. В 1634 и 1635 гг. произошли столкновения Ногайских орд с донскими казаками. С 1635 г. начинается усиленное укрепление южных русских границ, создание так называемой Белгородской оборонительной линии. Но в 1642, 1644 и 1645 гг. были новые вторжения татар.

Постоянная угроза татарского нашествия, естественно, поднимала патристические настроения, которые в сознании людей XVII в. приобретали религиозную окраску и вызывали в свою очередь к жизни антимусульманскую эмблематику, утверждавшую торжество христианства, православия. Пробуждению интереса к «Видению Царьградскому» способствовали, вероятно, и протекавшие в 1646—1647 годах переговоры с Польшей о совместных действиях против Крыма.

В то же время популярность в 1640-х годах «Видения Царьградского», сталкивавшегося в духе утверждения силы власти московских государей как законных наследников императоров «второго Рима», могла быть связана с восшествием на престол в 1645 г. нового русского царя — Алексея Михайловича и сопутствовавшим этому акту укреплением абсолютистской власти.

Разрыв с Польшей в 1653—1654 гг. должен был несколько снизить популярность идеи «крестового похода», той самой идеи, которая снова было возродилась в 1655 г., во время переговоров в Москве послов Священной Римской империи, Аллегрети и Лорбаха, выдвигавших мысль об объединении усилий «христианских государей» (православных и католиков) для борьбы с мусульманской турецко-татарской агрессией.³¹ Эта идея была поддержана, как известно, патриархом Никоном. Вполне естественно, что вместе с падением в конце 1650-х годов Никона и новым русско-польским конфликтом этой идее суждено было временно, на протяжении всех 1660-х годов, угаснуть.

Появление группы памятников, снабженных эмблемами «Царьградского видения», в 1670-х годах бесспорно связывается с оживлением русско-польских переговоров о совместных действиях против Порты и Крыма. Эта эмблема могла являться иносказательным выражением идей русской дипломатии. Прапор русского воеводы В. С. Вольнского служил ему своеобразной верительной грамотой, знаком дипломатического достоинства при переговорах с Польшей в июле 1671 г.³²

На воскрешение в 1670-х годах интереса к сюжету «Царьградского видения» как воплощения концепции «Москва — третий Рим», возможно, повлияло и сложившееся к этому времени убеждение выдающегося русского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина о необходимости склонить киев-

³¹ См.: Памятники дипломатических сношений с Римской империей, т. III. СПб., 1854, № XVII, стр. 386.

³² Опись Московской Оружейной палаты, ч. III, кн. 1, стр. 98—99, № 4202.